

1 **КРУГОЗОР** 74

Милан НИКОЛИЧ

ЛЕНИНГРАД

Это не просто красивый город,
это Ленинград!

Раскрытый, как жемчужная раковина
среди архипелага белых ночей,
вылитый из бронзы Финского залива,
из золота русской души,
из картечи «Авроры»,
изваянный и вырезанный фантазией
волшебников,
выдержавший блокаду,

голод и разрушения,
он стоит, как гордый бунтарь,
могущественный и величавый!
Нигде я не видел больше счастливой
воды,

чем в Неве,
больше памятников и поэтов,
чем на Невском проспекте,
больше праздничного воздуха,
чем на площадях Ленинграда.
Здесь каждый человек

имеет по одному музею
искусства и революции,
по три знаменитых моста,
по тридцать островов,
населенных историями и красотой,
по триста царских садов и фонтанов.
Здесь на каждого человека приходится
по три тысячи красивых продавщиц
цветов сурового Севера.

Это не просто красивый город,
это Ленинград!

В понедельник я весь его строил

камень за камнем.
Во вторник опускал мосты разводные,
чтобы объять его крепче.

В среду я заглянул ему в душу
и увидел своей души отраженье.
В четверг я в четвертый раз

влюбился в него.

В пятницу — в пятый раз влюбился.

А в субботу я с ним расстался,
но, быть может, мне это
лишь показалось?

Перевел с сербохорватского
Владимир Честной

Фильмы, которые
прошли с нами по
жизни. Они все в
нашей памяти —
«Ленин в Октябре»,
«Броненосец «По-
текин», «Мы из
Крошадта», «Ко-
мунист», «Аз-
роград», «Суво-
ров», «Тракторис-
ты», «Волга-Волга»,
«Баллада о солда-
те», «Освобожде-
ние», «Судьба чело-
века».

Я вспоминаю, как все начиналось...

20-е годы, точнее, 1924 год. На Московской кинофабрике, в маленьком помещении на Житной улице под номером 29-г, начали сниматься первые советские художественные фильмы. Люди, работавшие там, стали тем ядром, тем зерном, из которого вырос впоследствии многотысячный коллектив такой мощной студии, какой стал сегодня наш «Мосфильм».

Мы начали, по существу, на пустом месте. В условиях гражданской войны, разрухи, голода производство кинокартин почти прекратилось. Не хватало техники, не было киноспециалистов. На кинофабрику пришли молодые люди, полные задора и желания делать новое, пролетарское искусство. Они пришли из самой гущи жизни: В. Пудовкин был студентом-химиком, С. Эйзенштейн — гражданским и военным инженером, И. Пырьев — пастухом, А. Довженко — учителем.

Уже первые произведения молодого советского кино привлекли пристальное внимание: «Стачка» Эйзенштейна, потом его же «Броненосец «Потемкин», фильм Пудовкина «Мать».

Картины, которые впоследствии вошли в золотой фонд киноискусства, создавались группами энтузиастов, горячо влюбленных в свое дело, мастеров на все руки. Так, во время съемок «Броненосца «Потемкина», где я был ассистентом режиссера, мне приходилось быть и актером (играть Гиляровского), и гримером, и исполнять еще много обязанностей, а сам Эйзенштейн, например, сыграл в фильме роль священника.

И не «русский монтаж», не режиссерская манера, а глубокая идейность «Броненосца «Потемкина» сделали его на долгие годы знаменем прогрессивного мирового киноискусства.

Летом 1927 года на Воробьевых горах, неподалеку от деревни Потылиха, на пустыре происходит закладка студии. А уже

МУЗЫКА КИНО

На седьмой
звуковой странице
песни из кинофильмов
1973 – 1974 годов.

В 1930 году в еще не достроенных павильонах режиссер А. Мачерет снимает первый звуковой фильм студии — «Дела и люди». Я вспоминаю, как в центральном павильоне, где еще не было крыши, зимой снимали летние эпизоды для фильма «Веселые ребята», как актеры ходили в шубах, оставаясь в летних нарядах только на момент съемки. Вспоминаю, как весной на субботниках мы сажали в землю пруттики, а теперь из этих прутиков-черенков выросли развесистые деревья.

В 30-е годы наш коллектив пополнился новыми режиссерскими именами. Е. Дзиган, Ю. Райзман, М. Ромм, Г. Рошаль, А. Столпер, К. Юдин... Трудом и талантом этих известных кинематистов были продолжены традиции советского кино. Вспомним фильмы «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году», «Мы из Kronштадта», «Трактористы», «Волга-Волга», «Петербургская ночь», «Александр Невский», «Суворов»... Да всех не пере-

Г. АЛЕКСАНДРОВ,
народный
артист СССР

числять! Когда началась война, студия «Мосфильм» не прекращала работы. Прерываемые сигналами воздушной тревоги, шли съемки боевых киносборников. В эвакуации за короткое время были сделаны фильмы большой боевой славы: «Во имя Родины» В. Пудовкина, «Секретарь райкома» И. Пырьева, «Нашествие» А. Роома. С. Эйзенштейн работал над «Иваном Грозным».

В 50-е годы на повестку дня снова встал вопрос об увеличении количества картин, и киностудия оказалась готовой к этому. В ее ряды влилась большая группа молодых режиссеров, операторов, художников, которые вместе с представителями старой гвардии создали немало прекрасных картин. Среди них такие известные ленты, как «Коммунист» Ю. Райзмана, «Летят журавли» М. Калатозова, «Баллада о солдате» Г. Чухрая, «Судьба человека» С. Бондарчука, «Обыкновенный фашизм» М. Ромма, «Председатель»

А. Салтыкова и много других. «Мосфильму» исполняется 50 лет. Но если для человека это возраст зрелости, то для киностудии это цветущая юность. Задумывается и осуществляется постановка новых картин, стремящихся отразить всю полноту и напряженность атмосферы наших замечательных дней

ВМЕСТЕ
СО
ВРЕМЕНЕМ

МОСФИЛЬМ

В борьбе за осуществление задач третьего, решающего года пятилетки в республике выросли сотни и тысячи передовиков социалистического соревнования, такие, как шахтер Иван Стрельченко, горняк Иосиф Галенко, металлург Егор Проскурякин... Они преумножают трудовую славу рабочего класса, продолжают и обогащают традиции... героев труда первых пятилеток.

Л. И. БРЕЖНЕВ

Из речи при вручении Украинской ССР ордена Дружбы народов

Галенко — человек талантливый. («Галенко есть Галенко», — сказал управляющий строительным трестом, когда я завел разговор о снабжении бригады запасными частями и выборе объектов для работы. Тогда мне показалось, что это высказывание скорее относится к многолетнему авторитету экскаваторщика, чем определяет черты его характера.) Что же делает человека способного талантливым, а мастера — мастером?

Попробуем поискать объяснение в биографии Иосифа Галенко.

Семья хлебороба. Их было четверо братьев и две сестры. Летом пас скот, зимой ходил в сельскую школу. После окончания четырех классов учитель посоветовал отдать сына в семилетку: что-то в мальчике учитель углядел. Ежедневно ходить в школу за девять километров было тяжело, и отец снял у знакомых угол: харчи сыну давали свои, из дома, а готовила хозяйка. Так прошло три года, дальше отец сказал: «Поучился, хватит». Младший Галенко пошел в батраки и работал год «за сапоги» — союзки, приклад и подметки. А было в то время Галенко 16 лет.

И здесь мы подошли к дате его рождения: до революции, 1910 год.

В двадцать восьмом году Галенко уехал в Кривой Рог. Два месяца, как он говорит, «шталался» на бирже труда, а потом работал у немца-частника: на лошадах возил руду, вручную грузил вагоны. В деревню вернулся с кровавыми мозолями на руках — вот и весь заработок. А в двадцать девятым в селе образовалась комсомольско-молодежная коммуна. В нее надо было идти с днем. А что мог взять комсомолец Оскар Галенко из отцовского хозяйства? Корова! Но в крестьянском хозяйстве корова — кормилица...

К счастью, весной тридцатого года начали в Ивановке организовывать колхоз, и вся семья Галенко вступила в него. В том же году Галенко послали на курсы счетоводов. Курсы окончил и работал в колхозе помощником бухгалтера, так что считать Галенко умеет.

Теперь несколько убыстрим темп изложения биографии: служба в армии, ученик электросварщика, курсы шоферов и, наконец, трест «Союзэкскавация».

Представим себе, чем был экскаватор в тридцатые годы. Какая же по тем временам эта была сложная, ответственная и дорогая машина, если существовал в Москве трест, который ведал всеми земляными работами Союза. Прибавим: только-только начали создавать отечественный экскаватор. Машины в основном были американские, английские и не дизельные, как сейчас, а паровые.

Учеником на такую иностранную машину и сел Галенко. Осваивал «рычаги», эксплуатацию, а в тридцать шестом году стал машинистом экскаватора.

С того времени и до сих пор это стало для Галенко синонимом его призвания! Тридцать пять с лишним лет!

Сегодня Галенко 63 года, и он, бесспорно, лучший экскаваторщик страны. Шестьдесят три! А как часто мы считаем, что возраст мастерства — это возраст среднего поколения!.. В 1953 году получил звание Героя Социалистического Труда за строительстве каналов Северный Донец — Донбасс и Днепр — Кривой Рог. В 1963 году вышел победителем во Всесоюзном соревновании экскаваторщиков, а в феврале прошлого года (уже в феврале) завершил вместе со своей бригадой пятилетнее задание. Решающий 1973 год безоговорочно решил судьбу десятой пятилетки для его комплексной хозрасчетной бригады.

И здесь требуются новые пояснения: в истории возникновения понятия «комплексная хозрасчетная» применительно к земляным работам невозможно обойтись без имени Иосифа Галенко. Первая такая комплексная создавалась в стране по его инициативе, и приказ о ней был

ПОЧЕРК МАСТЕРА

ПЯТИЛЕТКА:
ГОДЫ
МИНУТЫ

подписан двумя министрами — монтажных и специальных работ (в ведении которого находились экскаваторы) и автомобильного транспорта (самосвалы). Показатели выработки машинистов и шоферов — «куб» и «спидометр» оказались завязанными в единый узел. Для тех и других стало одинаково важным, и как плотно загружен кузов, и как быстро он погружен, и сколько сделано рейсов. Галенко с юности умел считать!

Теперь попробуем рассмотреть некоторые подробности из жизни Галенко с другой стороны.

Двенадцать лет без капитального ремонта прослужил у Галенко его «Ковровец». Это своеобразный рекорд мастера своего дела. Десять лет вместе с ним работает одно и то же звено шоферов. Редкость для заводского коллектива случай. И это не просто черточка из производственной биографии — это показатель определенного духовного настроя. А сколько через бригаду Галенко прошло людей по такой схеме: помощник машиниста — машинист — бригадир, техникум — институт. «Сейчас Караваев учится в институте, Щенников, мой напарник, техникум заканчивает. Сын мой работал в моей бригаде помощником машиниста, окончил университет, сейчас работает прорабом». Не проглядывается ли в этом суховатом перечне человеческая сущность Галенко — руководителя, коммуниста, отца?

С грустью я заканчиваю этот маленький очерк, потому что и сам многое понял о жизни из общения с Иосифом Афанасьевичем Галенко и теперь мне жаль с ним расставаться. Я рад, что такие люди живут у нас в стране, и что эти люди представляют и олицетворяют Советскую власть (И. А. Галенко — депутат Верховного Совета СССР), что таких людей у нас много, хотя, как говорил управляющий «Укрэгидроспецфундаментстроем»: «Галенко есть Галенко».

Жаль расставаться... Впрочем, читатель «Кругозора» и его слушатель, а на первой звуковой странице — новая встреча с Галенко.

С. ЗИНИН,
специальный корреспондент
«Кругозора»

г. Кривой Рог
Фото автора

Добрый вечер, друзья.
Только что сообщили: товарищ Ленин
выступит на нашем собрании.
Вы знаете, он прибыл издалека,
под другим небом пылала
его любовь к родине,
к своему народу.
Прошу вас, товарищи,
не утомляйте его вопросами,
спрашивайте только о самом насущном.
Ленин болен,
но он придет к нам — вель он обещал.
Нужно ли
рассказывать
о товарище Ленине,
все знают о его героической жизни.
Царь убил его брата,
а юноша не испугался, его сердце
запылало еще жарче.
Сегодня мы собрались тайно.

Фернандо ЛАМБЕРГ
(или)
ВЕСИТЕЛЬСКОЕ СЛОВО

Полиция начеку,
она подсылает своих шпигов,
но вы знаете,
мы обвели их вокруг пальца.
Ленин болен,
но он придет к нам, растопив снега
огнем своей воли.
Когда он начнет говорить,
его голос может показаться тихим,
но слова его из чистой стали.
Враги хотели бы схватить нашего гостя.

каждый из нас пожертвует жизнью,
чтобы его защитить.
Против нас
армия, флот, полиция —
они не понимают, что они тоже народ.
Наверно, они однажды прозреют
и пойдут на штурм вместе с нами,
когда запылает новый пожар.
Собрание у нас подпольное,
но придет время, и мы сможем
петь, не таясь,
и наш голос
будет как голос грома.
Час нашего восстания еще не пробил.
этот час наступит с Лениным,
и правде не надо будет
гаиться в подполье.
А вот и товарищ Ленин —
внимание, друзья!..

Перевел Павел Грушко

1
Голос Ленина чист и глубок.
Словно горный поток.
Словно солнечный луч,
он облетает планету.
Тянется знаменем алым
навстречу рассвету...
И раступаются тучи,
и призраки тают.
На пробужденной земле
пламенеют цветы.
Братья!
В ваших зрачках проступают
нового мира черты.
Ленин! Растут поколенья борцов —
настоящих мужчин,
содрогаются снежные шапки
горных вершин!

АААЛЬ-ВАУХАБ аль-БАЯТИ
иракский поэт
МОЛНИЯ ПРАВДЫ

«Правда» — парус
корабля, уходящего в завтра.
«Правда» — голубь,
несущий цветочек молодую завязь.
Гребень великого шторма,
прожектор в бездонных штольнях,
колокол коммунизма,
мост через пропасть —
на страницах твоих
проступает ленинский профиль!

Но Ленин пошел по планете,
чтоб стало желанное явью.
И в сердце ударили брызги
летающих над нами рассветов,
и стали сегодняшней жизнью
пророчества старых поэтов.

2
Раскрываю страницы «Правды»,
словно окно на рассвете.
«Правда» — белые крылья,
что Ленин мне подарил.
Он рабочим сказал:
«Словно зерна, черные буквы рассыпьте!
Пусть из них вырастают
алые стебли зари».
«Правда» —
это чернила? Бумага?
Типографские знаки?
«Правда» —
это честность, бунтарство,
пролетарское знамя!

3
Поэты страдали в молчанье.
Сердца их горели любовью.
Поэты о счастье мечтали,
чтоб справиться с горем и болью.
Скромны, неподкупны, суровы,
надежды они не теряли.
Мечтали: исчезнут оковы!
Мечтали: погибнут тираны!
Певцы предавались надежде,
слова оставались словами,
но все продолжалось, как прежде:
людей палачи убивали.
Всю землю опутали сети
войны, нищеты и бесправья.

4
Я отдавал изношенный пиджак
за хлеб. Мое лицо темнее хлеба,
а сердце словно стиснутый кулак.
Меня купить хотели торгаши,
чтоб я их прославлял. Не по карману
вам, сытые, огонь моей души!
Ведь каждый день из этого огня
передо мною возникает Ленин.
Отец мой Ленин смотрит на меня!

5
Ленин — буря,
ворвавшаяся
в ответшалый дом.
Ленин — гроза над пустыней,
пролившаяся дождем.
Ленин — молния правды,
справедливости гром.
Для неграмотного букварь,
колыбель для ребенка,
поводырь для слепого
в его непроглядной мгле.
Ленин — голос истории,
что призывно и звонко
разносится по земле.

Перевел Михаил Курганцев

Когда я был в Матенадаране, хранилище древних рукописей Армении, и видел книги, чудом сохранившиеся где-то в подземельях от нашествий, теперь уже окаменевшие, я снова и снова думал о судьбе армянского народа.

Величие народа всегда определяется его духовным богатством, его собранностью, его человеческим и историческим мужеством. Армянский народ вынес много страданий, но сумел сохранить и пронести свою культуру через века, как свечу, прикрывая ее ладонями от бурь времени.

Геворг Эмин — один из хранителей неугасимо трепещущей свечи армянской культуры, чистый огонь которой никогда не смешивается с бенгальским огнем грохочущей риторики. Когда я думаю об Эмине, я думаю невольно и об истории Армении, ибо в его поэзии отразились лучшие качества и армянского трудового народа и армянской интеллигенции. Надо сказать, что армянским крестьянам, армянским рабочим свойственны главные черты внутренней интеллигентности — скромность, уважение к людям, некрикливость в выражении чувств, ощущение и трагизма истории и ее величавой эпичности.

Эмин в своих «Песнях об Армении» создал стихотворный памятник своей родине. Это произведение как бы построено из розового туфа удивительно прозрачных строф. Но вот он пишет о России, об Испании, об Америке. У него есть ощущение родственности с историей всего человечества. Отчего это происходит? Оттого, что он очень сильно любит собственную родину, а любовь к человечеству начинается с любви к родине. Национальное только тогда воплощается в творчестве поэта, когда он интернационалист.

Эмин всегда пишет не как сторонний свидетель, а как живой, страдающий и радующийся, участник происходящего. Непосредственное участие в событиях не мешает философскому осмыслению их, как это ничтоже сумняшеся думают апологеты «надсхваточности». Философию рождает чувство причастности. Поэзия, на мой взгляд, вообще неотъемлема от философии, от истории, это очень сильно чувствуется в стихах Геворга Эмина...

Впервые я приехал в Ереван много лет назад по поводу печального события: умер крупнейший поэт Армении Аветик Исаакян, которого переводили в свое время Брюсов, Пастер-

нак. В Армении Аветика Исаакяна называли варпет — мастер. Похороны его были поистине народные. Из других городов, из самых дальних сел съезжались крестьяне, рабочие, студенты. Все замерло в Ереване, остановились машины, только шли и шли толпы людей, провожая гроб своего учителя. Мне было двадцать лет с небольшим, и я тогда впервые увидел, как велика дань уважения, которую народ отдает мастеру своей духовной культуры.

Геворг Эмин — тоже варпет и, как истинный мастер, не подражатель, а продолжатель. Мастерство не только в филигранности строчек. Есть мастерство духа, мастерство борьбы, мастерство убежденности.

Этот человек наполнен неукротимым любопытством к жизни. Ему бывает и трудно и грустно, но никогда не скучно. Это ненасытное любопытство к миру всегда чувствуется в его стихах. (Эмину повезло, что его переводили прекрасно владеющие искусством перевода поэты — Мартынов, Самойлов, Слуцкий, Левитанский, Петровых.) А любопытный человек не может быть равнодушным, отсюда и его доброта ко всему светлому и хорошему, что есть в жизни, и презрение ко всему тому, что мешает живому. Таков сам Эмин, таковы его стихи. Неразымлемость личности и творчества — доказательство таланта.

Я открываю наудачу книгу Эмина, выпущенную библиотекой «Огонька», и сразу попадают такие строчки:

Я сам не знаю, что это такое
Меня столкнуло с торного пути,
Но я забыл о счастье и покое,
Чтобы путем поэзии пойти.
Любою болью времени болея,
Я беды мира на плечи взвалил.
Все, что достойно жалости, —

жалею,

Все, что любви достойно,

полюбил.

Прекрасные стихи. В них — суть поэзии Эмина, суть его души.

Поэзия Эмина мудра и в то же время лишена дидактики, которой грешат многие поэты. В его мудрости есть какая-то легкость природного лукавства и обаяния. Вы и сами это почувствуете: Геворг Эмин читает свои стихи на звуковой странице «Кругозора».

ГЕВОРГ ЭМИН И ЕГО СТИХИ

На звуковой странице Геворг Эмин читает два стихотворения: «Грядущему», «Я написать хочу слова на музыку дождя...». Свой перевод стихотворения Эмина «Над древними рукописями» читает Евгений Евтушенко.

Фото Л. Лазарева

Кадр
из
мультфильма
«Малыш
и Карлсон,
который
живет
на крыше».

МАМАША АСТРИД И ЕЕ ДЕТИ

КОЛОБОК

Взрослым и детям

21.12.11
Astrid Lindgren
10.7.23

Этот автограф подарила читателям «Кругозора» шведская писательница Астрид Линдгрен — автор хорошо известных у нас книг «Малыш и Карлсон, который живет на крыше», «Пеппи Длинныйчулок». Недавно Астрид Линдгрен побывала в Москве. Высокая, немолодая женщина, с вполне обычными серыми глазами. Они оставались такими до тех пор, пока Астрид Линдгрен не заговорила о своих героях. Казалось, еще мгновение, и я услышу знакомое: «Как? Ты не знаешь, что лучший в мире мастер на всевозможные проказы — это Карлсон, который живет на крыше?»

— Когда моей дочке Карин было семь лет, — рассказывала Астрид Линдгрен, — она заболела. А вы знаете, когда дети болеют, они все время требуют, чтобы им что-то рассказывали. Вот и Карин мне порядком надоела этими просьбами: «Расскажи, да расскажи». «Ну, что я тебе могу рассказать?» — как-то спросила я. «Расскажи мне о Пеппи Длинномчулке», — так она мне спросив, кто такая Пеппи и почему она Длинныйчулок стала рассказывать о ней истории.

И все-таки я никогда бы не стала писательницей, если бы через два года после болезни моей дочери, 28 марта 1944 года, в Стокгольме не случился бы во-от такой снегопад. В тот день мне нужно было купить что-то в магазине, я выбежала на улицу и... подвернула себе ногу. Мне пришлось несколько недель неподвижно пролежать в постели, и так как мне все равно нечем было заняться, то я записала все придуманные мною истории о Пеппи. Для себя. А уже позже решила — на всякий случай — послать эту рукопись в издательство. Честно говоря, я мало верила в то, что издательство согласится выпустить книгу о такой взбалмошной девчонке, как Пеппи. Поэтому в письме в издательство я написала: «Остаюсь в надежде, что вы не сообщите обо мне в управление полиции: книга настолько опасна для молодого читателя, что у меня могут просто-напросто отобрать права на воспитание моих собственных детей». И что вы думаете? Я оказалась права. Издатели мне ответили, что книга отличная, но непедагогичная и поэтому издать ее невозможно. И я их очень хорошо поняла.

Однако вскоре был объявлен конкурс на лучшую книгу для детей, и моя рукопись о Пеппи получила первую премию. Я

Сцена из спектакля
Театра
сатиры
«Пеппи
Длинный-
чулок».
Фото
И. Гневашева

тогда сказала Карине, что мы с ней имеем одинаковое право на эту премию, ведь Пеппи Длинныйчулок придумала она. «О, нет, — воскликнула моя десятилетняя дочь, — прошу тебя, мама, не впутывай меня в историю с этой непослушной рыжей девчонкой!»

Через какой-то десяток лет история повторилась: Карина выросла, у нее родился сын, и мне, как и любой бабушке, пришлось принимать самое деятельное участие в его воспитании, или, попросту говоря, нянчить. И в результате я написала новую книгу. Да, да, «Эмиль из Леннеберга» появился только благодаря моему внуку.

Мой внук — это самый несносный мальчишка из всех, которых я когда-либо встречала в своей жизни. Вы только представьте, до трех лет он предпочитал не говорить, а орать. И кричать он мог, не переставая, целый день. Однажды, во время очередного приступа гнева у этого маленького человечка, я ему сказала: «А ты знаешь, что в таком случае делаю Эмиль из Леннеберга?» И внук, как ни странно, мгновенно замолчал. Мне это понравилось, и в дальнейшем каждый раз, когда он начинал кричать, я говорила эти магические слова и тут же придумывала разные истории об этом неизвестном мне Эмиле — что не сделаешь для того, чтобы внук не плакал и ел манную кашу? Правда, иногда этот озорник предлагал мне компромиссный вариант: «Бабуля, дай мне покричать немного, а потом уже рассказывай об Эмиле». Но я на это никогда не шла.

Сейчас у меня семь внуков. И мой день обычно делится на две половины: с пяти утра до обеда я писательница, а с двух часов дня я просто бабушка. Внуки — мои первые читатели и критики. Но это не значит, что я всегда согласна с их оценками. Нет! Нет! Например, моим внукам, впрочем, как и многим ребятам, нравится Карлсон. А мне, как маме и бабушке, он не по душе, своенравный, непунктуальный... Правда, будь я на месте собственных внуков, я бы, несмотря ни на что, взяла себе в товарищи этого «самого лучшего в мире шутника, фантазера, чихальщика и истребителя пирогов...».

Герои Астрид Линдгрен давно уже перешагнули границы Швеции. Известны советские фильмы по ее книгам. А недавно на сцене Московского театра сатиры был поставлен новый музыкальный спектакль «Пеппи Длинныйчулок».

Беседу вела Р. ДУБОВИЦКАЯ

Песни к спектаклю «Пеппи Длинныйчулок» (по мотивам М. Микаэляна) написаны В. Дашкевичем и Ю. Михайловым. Три из них — на девятой звуковой дорожке в исполнении артистов Московского театра сатиры.

МОЯ ПРОФЕССИЯ — ПЕСНЯ

Какая это удивительная вещь — рождение песни! Даже когда песня явно получилась, когда стихи и музыка сливаются и, первый раз исполненная композиторским голосом у роля, она вызывает шумное одобрение, это еще не значит, что песня начала жить. Нужен третий автор — певец, который сумеет донести ее до сердца. Первое исполнение должно быть очень точным. Недаром мы говорим о «песнях Марка Бернеса» или о «песнях Людмилы Зыкиной». А иногда пес-

За два с небольшим года ансамбль объездил всю страну. Был почетным гостем фестиваля «Дрезден-72». Солист Валентин Яковлев на фестивале «Интерталант» получил приз, отлично исполнив песню М. Фрадкина и Р. Рождественского «За того парня».

Большинство солистов ансамбля — а там все солисты — имеют музыкальное образование. И Юрий Маликов — руководитель ансамбля, и Валентин Дьяконов, и Сергей Березин, и Юрий Петерсон пишут музыку. Впервые я встретился с музыкантами на репетиции в одном

звонкие самоцветы

ню рождает целый коллектив со своим, особым звучанием...

Ансамбль, о котором мне хочется рассказать, впервые выступил в августе 1971 года в радиопередаче «С добрым утром!». У него не было еще названия. Но в его адрес пришло столько писем, что «Доброе утро» объявило конкурс названий для ансамбля. Так появились «Самоцветы». Появились с песней М. Фрадкина и М. Пляцковского «Увезу тебя я в тундру». Вообще Марк Фрадкин сыграл в судьбе ансамбля большую роль. Как это правильно, когда композитор помогает становлению молодого коллектива!

из московских клубов, куда меня пригласили послушать новую песню молодого композитора Сергея Дьячкова «Давай уедем в дальние края» на мои стихи. Меня уже тогда увлекли и обрадовали многоцветье, молодость, звонкость этого коллектива. Последняя моя творческая встреча с ним состоялась на X Всемирном фестивале молодежи в Берлине.

Лев ОШАНИН

Фото А. Шибанова

На звуковой дорожке в исполнении «Самоцветов» вы услышите песни «Туман» (А. Колкер, К. Рыжов) и «Верба» (Э. Ханок, Ю. Рыбинский).

Мундыбаш — поселок небольшой. Раскинулся у слияния трех таежных рек — Тельбеса, Мундыбаша и Кондомы, — на склонах сопок, утыканных редкими соснами. Рудник; питающий сырьем Кузнецкий комбинат, агломерационная фабрика, четыре школы, клуб. Ничего примечательного внешне. Впрочем, если пройдешься по горбатым улочкам, заметите и совсем новенькую вывеску музыкальной школы. И повышенный спрос на поэтические новинки в книжном магазине. И афишу: открылся одиннадцатый филармонический сезон; в концертных программах — имена лауреатов международных конкурсов, известнейшие музыкальные ансамбли.

Ко всему этому имеет отношение учитель поселковой школы Николай Алексеевич Капишиков.

Почти тридцать лет проходит он по школьному коридору под затихающий звонок на уроки литературы. Но дважды в неделю, по вторникам и пятницам, ровно в восемнадцать часов, он открывает дверь комнаты, заставленной пиюитрами, стульями и — по стенкам — угловатыми футлярами балалаек разного калибра, домр, мандолин, баянов. Сюда он приходит не по звонку, но и здесь он учитель. Это ему, Николаю Алексеевичу Капишикову, пишут бывшие школьники: «Учитель не тот, кто передает тебе только знания. Учитель — это тот человек,

Я очень люблю мундыбашский оркестр Николая Алексеевича Капишикова за его увлекательную, умную работу. Это пример того, как музыкальный коллектив учащихся может стать очагом культуры, свет которого ложится не только на их школу и поселок, где они живут, но и начинает светить всюду, куда после окончания школы едут учиться и работать ее воспитанники.

Дм. КАБАЛЕВСКИЙ
народный артист СССР

который помогает тебе стать самим собой».

Стать самим собой... Как это трудно подчас, особенно в школьные годы. Ведь говорили в старину: «Дети — воск, из которого можно слепить что угодно!» Счастье, если лепщик окажется мудрым. «Музыка, особенно симфоническая, помогает мне стать настоящим врачом». Это слова одного из «выпускников оркестра» (так называют здесь тех, кто прошел в музыкальном коллективе вторую школу). Их мог бы повторить шахтер и агроном, геолог и дипломат, тракторозаводец и ученый...

На традиционных вечерах-встречах тем, кто продолжает дело оркестра, где бы они ни работали, где бы ни учились, ежегодно присуждается оркестровая премия. И хотя премия эта чисто символическая, надо видеть, как взрослые люди, отцы семейств, радуются награде со-

И ВХОДИТ МУЗЫКА

По просьбам читателей

В этом году Андре Поппу исполняется 50 лет. Он родился в 1924 году в городке Фонтене-ле-Конте, на западе Франции. С детства начинает учиться игре на фортепиано, затем много времени уделяет искусству исполнения на органе.

В начале творческого пути Андре Попп создает вместе с Жаном Бруссолом сочинение для детей, рассказывающее об истории оркестра. Записанное на пластинку под названием «Маленький саксофон», оно было переведено на многие языки мира и получило «Большой приз пластинок» —

первую значительную награду в коллекции призов французского композитора.

Наиболее плодотворной была работа Андре Поппа в области легкой музыки. В 1960 году его песня «Том Пилиби» получает первое место на трудном конкурсе Евровидения, собравшем многомиллионную аудиторию. Песня моментально становится известной, а талант композитора получает признание.

«Вот это моя музыка» — так называется недавно вышедшая во Франции пластинка, на которой мелодии Андре Поппа исполнены в аранжировке и под управлением самого автора. Появление этой пластинки не случайно. В последнее время заметно повысился интерес к авторской интерпретации популярных произведений, к исполнению мелодий самим их творцом. И именно этот большой интерес, по выражению одного критика,

СОЛО АНДРЕ ПОППА

вета выпускников. Лауреатом стал, например, штурман дальнего плавания Геннадий Дрожжин. Два оркестра народных инструментов обязаны ему своим рождением — на корабле и в порту приписки. Мир музыки для Дрожжина остается и сегодня «чем-то прекрасным, зовущим к большой любви и подвигам». Библиотекарь Василий Кузнецов помог оркестру в подготовке новичков-балалаечников. Учителя-супруги Кирияновы награждены за организацию постоянных камерных концертов в рабочем поселке Притомском. Инженер-строитель Вячеслав Пискулин для родной школы создал серию портретов знаменитых исполнителей, выставивших перед мундыбашцами...

А самим музыкантам, впервые попавшим в Мундыбаш, поначалу и не верилось, что здесь так тепло и с пониманием могут встретить столичные симфонические квартеты, камерные оркестры:...

Мундыбашский оркестр и его руководитель. Н. А. Капишников: «Неплохо, когда ребята играют. Хорошо, когда умеют слушать музыку. И прекрасно, когда делают доброе дело». Фото Л. Шерстенникова и автора.

Но потом многие из них приезжали сюда во второй, третий раз. Скрипач Виктор Пикайзен даже совершил со школьным оркестром турне по Кемеровской области.

...Как-то приехал оркестр на соседний рудник. Это был первый гастрольный выезд ребят. Вдруг в клубе погасло освещение. С электростанции позвонили: света до утра не будет. Но рабочие, долго ожидавшие концерта, не расстроились. Что делать? Девять горняков поднялись на сцену, присев на корточки возле пультов, осветили шахтерскими лампочками ноты. Концерт начался. В зале стояла тишина, и нельзя было определить, сколько же осталось любителей музыки. Кончили вальс-фантазию Глинки, и темнота взорвалась аплодисментами. Всмотрелись в зал: ни одного свободного места...

Николай Алексеевич оберегает оркестр от участия в смотрах, конкурсах. «Там цель — победа, — как бы оправдываясь, поясняет он. — У меня же — воспитание музыкой».

О том, как в жизнь мундыбашцев вошла музыка и родился оркестр народных инструментов, Николай Алексеевич Капишников рассказывает на второй звуковой странице. Я же лишь добавлю, что сегодня в этом музыкальном коллективе пятьдесят ребят: больше просто нет инструментов. И живут в разных городах и селениях страны еще 224 «выпускника оркестра».

Валентин МАНИОН,
специальный корреспондент «Кругозора»
пос. Мундыбаш, Кемеровская область

«вырвал композиторов из тиши кабинетов и, заставив преодолеть природную застенчивость, приблизил к огням рампы». Один из самых популярных сейчас в Америке композиторов, Берт Бакарах, начал выступать с оркестром и даже рискнул надеть некоторые из своих произведений. Пластинка «Берт Бакарах исполняет свои мелодии» разошлась очень быстро. Во Франции та же судьба выпала на долю грамзаписи «Франсис Ле играет Франсиса Ле».

Мы предлагаем читателям и слушателям «Кругозора» несколько мотивов Андре Поппа в исполнении автора и, конечно, песню «Манчестер — Ливерпуль». Если сравнить авторскую запись с общезвестной, то нетрудно заметить, что у Поппа мелодия звучит более мажорно, энергично. Каждый куплет инструментуется оригинально. Умело и эффективно используется хор.

Интересно отметить, что на родине композитора и во многих других странах он известен не этой мелодией, а другим, более популярным своим сочинением — песней «Голубая любовь», за которую в 1967 году он снова получил «Гран При» Евровидения. Существует более ста вариантов этой песни в исполнении таких замечательных певцов, как Энди Вильямс, Мари Лафоре, Астрюд Жильберто, Нана Мускури, Энгельберт Хампердик. Сейчас мы имеем возможность прослушать это лирическое произведение, написанное в духе французских народных песен, задумчивое и искреннее, в исполнении самого автора. В нем особенно раскрывается яркость и демократичность таланта А. Поппа.

М. ПОДБЕРЕЗСКИЙ

Слушайте одиннадцатую звуковую страницу.

Неистово, роскошно чувство,
Нерв трепет, мление любви,
Волшебное зарод искусство,
Вахханок древних оживи,
Жги души, огонь бросай в сердца
От смуглого лица.

Г. Державин

Рассказывают, что какой-то конференсье однажды объявил: «Исполняется новый, старинный цыганский романс». Это-ворка у рампы свободно бы встала эпиграфом к бесконечной книге цыганского пения. В ней до сих пор находят забытые или непрочитанные страницы.

Один из таких романсов мы хотели бы соотнести, пусть несколько произвольно, с 20—30-ми годами прошлого века. Вы услышите его на звуковой странице «Кругозора». Называется он «Ляна».

Нежная гитара, голоса влюбленных, лунный свет и строчка Шопена. Фраза из его ми бемоль мажорного ноктюрна, сочинение девятое. Откуда Шопен в лунном свете цыганского романса? Из распахнутых окон старинного барского до-

ма в Москве пением цыганки Стеши. Стеша пела, по рассказам ее подруг, так, что Каталани плакала, потом внезапно в порыве восхищения сорвала с себя кашемировую шаль и накинула ее на плечи цыганки. Но незадолго до этого, в январе 1830 года, во время концертов в Варшаве Каталани услышала игру маленького Фредерика Шопена. И там музыкант ждал подарок. Артистка подарила ему золотые часы с надписью: «Анжелика Каталани — десятилетнему Шопену». Они долго служили Шопену, и стрелки их описали немало кругов, пока наконец тринадцать лет спустя, в 1833 году, не был сочинен тот самый ноктюрн. Занятное скрещение дат, силуэтов, игра теней — не более.

Вторая песня, которую мы помещаем, шутливая, принадлежит она венгерским цыганам и называется «Дуй дрома» — «Две дороги». Там поется о некотором смнении в голове молодого парня, который едет на ярмарку за двумя невестами сразу.

ВОЗВРАЩЕНИЕ К РОМАНСУ

ма с колоннами? Может быть. В нас этот романс пробудил какую-то странную ассоциацию, сопоставление, род исторического арабеска, хотя совпадения хронологического тут нет и в помине. В мае 1827 года перед отъездом в Петербург Пушкин послал Зинаиде Волконской экземпляр своих «Цыган» со стихами, ей посвященными. Стихотворение кончалось так:

Не отвергай смиренной дань,
Внемли с улыбкой голос мой,
Как мимоездом Каталани
Цыганке внемлет кочевой.

Пушкин знал, что знаменитая итальянская певица Анжелика Каталани была в России, знал, что она заслушивалась

Вы услышите оба романса в исполнении вокально-инструментального трио «Ромэн». Мы представим вам членов этого ансамбля. Характерно, что все они, получив начальный творческий импульс от родителей-актеров, стали затем дипломированными музыкантами. Через училища и консерватории Москвы, Хабаровска, Свердловска, Киева, через театральные и эстрадные подмостки пролегал их путь. Это актеры театра «Ромэн» и прекрасные музыканты — Игорь Иошка, Валентина Пономарева, Герман Квик.

Т. ПЛИСОВА

Фото Л. Лазарева

За час до старта они все еще копались в моторе. А виноват был, конечно, Валерка: прилетел в Ригу за два часа до гонки.

Колясочник Леня Самсонов, обычно улыбающийся, а сейчас сердитый и мрачный, ворчал:

— Нет уж, хватит, последний сезон. Мне 35, я тебе не мальчишка...

Водитель Валера Алфеев, ладно сложенный парень, с рыжими пиратскими бакенбардами, молчал. Все громкие слова были сказаны в первые минуты встречи, повторять их значило еще больше разозлить Леню.

«Конечно, какое ему дело, что у меня «хвост» по криминалистике и профессор назначил пересдачу именно на этот день. (Пятый год Алфеев маялся на юрфаке МГУ, сдавая между гонками экзамены и зачеты.) Представляю, как завопил бы Леня, если б узнал, что сегодня в 18.00 мне нужно быть в Москве и сдавать гражданское право», — подумал Валера и вздохнул. Но уже поднялось, охватывая все его существо, то стремительное и властное, что называлось гонкой. И житейские заботы отступили. Пятьдесят минут, за которые мотоцикл пролетал 80 километров сложнейшей трассы, казались ему единственно важными, настоящими минутами его жизни.

Готовя мотоцикл, Леня Самсонов думал о своей лаборатории, работе. Неторопливой, точной, основанной на расчетах и чертежах, но в то же время немислимой без той тонкости ощущений, которой от природы наделены глаза и пальцы только

СПОРТИВНАЯ ДОБЛЕСТЬ

3

КОЛЬЦО

Как было тихо здесь, на середине трассы. Взрывы и пулеметные очереди «бешеных лошадей», на которых прикатывались к тренировочным петлям гонщики, едва доносились сюда. Птицы и то были слышнее.

И вдруг там, за лесом, словно далекий гром. И сразу возбужденно заговорили зрители, побежал по вершинам ветер, неровно и сильно забило сердце.

— Началось! — выдохнул, глядя на меня светлыми глазами, пожилой рижанин, который минуту назад говорил, что смотрит гонки двадцать пять лет и уже не волнуется.

Они вылетели из левого поворота — пестрая стая неправдоподобно стремительных, приплюснутых к земле машин. Черные люди наглухо, как рука в перчатку, затянутые в кожаные комбинезоны, в глухих шлемах и очках, совершенно меняющих знакомые лица. Алфеев и Самсонов шли последними. Значит, сцепление все же подвело. Они шли зло и сильно. Даже слишком. И вот правый вираж начал выворачивать.

очень немногих людей. Классный слесарь-наладчик — такая же редкость, как и большой пианист. Здесь, в лаборатории, открылась и дала Лене много радости страсть к конструированию.

Работа и спорт в его душе шли как бы на параллельных курсах. Там — приборы, электронная аппаратура, здесь — рамы, моторы, сделанные собственноручно, с микронными допусками и шлифовкой десятого класса точности.

...До старта оставалось тридцать минут. Они все еще копались со сцеплением. Чумазы, злые, казалось, заранее переживающие неудачу.

— Ближе не подходи, опасно, — предупредил меня знаменитейший гонщик, двадцатикратный чемпион страны, а ныне тренер кольцевиков ЦСКА Николай Севостьянов. — За этими ребятами смотри, не пожалеешь, — добавил он убежденно.

их наизнанку. Мотоцикл, визжа и дымя резиной, полз в кювет. Коляска, за которой непонятно на чем висел Ленья, медленно поднялась в воздух...

Рассказ о том, что произошло дальше, на третьей звуковой странице журнала.

И. ЦИБУЛЬСКИЙ
специальный корреспондент «Кругозора»

Призеры чемпионата страны по мотогонкам В. Алфеев и Л. Самсонов: «Когда такой вираж позади, можно улыбаться».
Фото автора

УЧИТЕЛЬ С ЧУЖОТКИ

Борис
ВАСИЛЕВСКИЙ

Рисунок
М. Ромадина

КОГДА ОДИССЕЙ ВОЗВРАЩАЛСЯ ДОМОЙ...

его застала пурга, — сказал Агронаут.

Я был молодой, старательный педагог. — Почему же, Алеша, пурга? Я рассказывал вам о климате Греции. Помнишь: у нас зима девять месяцев и лето, как осень, в Греции лето девять месяцев и зима, как осень. Какая же может быть пурга? — сказал я, гордясь собой, во всеоружии точного знания.

Ученик замолчал, и больше я не вытянул из него ни слова.

В учительской я повторил его фразу — как обычно, посмеиваясь, передают друг другу учителя ученические нелепости — и вдруг сообразил, какое таилось в ней многообещающее начало, какая могла получиться удивительная история. Я попытался сам продолжить ее, придумать другие, такие же необычные фразы — о собаках, например, китах, вельботах,

ШЕСТНАДЦАТЬ НА ШЕСТЬ

Летом я работал в лагере физруком. Вообще-то моя специальность — русский язык и литература, но настоящий физрук учителей на материк в отпуск.

Лагерь мы открыли первый год, и многое было еще не устроено: не было у нас никаких площадок, ни грибов этих, ни комнаты специальной для игр, где можно было бы занять ребят во время дождей. Да и ребята были дикие, привыкшие к летней свободе. Вожатые тащили их на сопку, собирать цветы или читать книгу, а им больше нравилось убежать и, свесившись вниз головой с дебаркадера, часами вглядываться в затененную причалом воду, где у самого дна таились страшные головастые чудовища с растопыренными перьями, лягушачьим брюхом, скользкой кожей и мерзким запахом — дорогие их сердцу бычки. Пришлось в конце концов с этим смириться и даже сделать мероприятием, и каждое утро на линейке начальник лагеря объявлял: «Кто ловить бычков — шаг вперед!»

Но мне было легче, чем вожатым: футбол оказался «мгнитом поприятнее», и, как только выдавался хороший день, мы отправлялись к маяку, где раз-

но все они не звучали столь эпически, как первая. «Когда Одиссей возвращался домой, его застала пурга...»

Потом, пожив на севере, я понял, в чем тут дело. Однажды я пошел со своим классом в Наукан, заброшенное эскимосское селение. Жители его давно переселились в лучше расположенные поселки, и теперь там оставалась только полярная станция. Была осень — не такая, как в Греции, — выпал снег, он лежал не уплотненный, не сбитый еще зимними пургами, и двадцать с лишним километров мы брели, проваливаясь, по этому снегу.

Никто не мог быть гостеприимнее, чем полярники, по полгода не видящие нового лица. Но едва мы отогрелись и перекусили, ребята мои заскучали. Я внушал им, какое это замечательное место: крайняя восточная точка страны, и пролив, и маяк-памятник Семену Дежневу,

метили поле и поставили ворота. Я всегда был далек от спорта, но тут — положение обязывает — открыл в себе страсть к футболу и каждый раз, трюс с мячом в руках впереди ребят, знал, что буду играть, гадал только, на какой минуте не смогу удержаться.

Лучшими игроками были, бесспорно, Волков и Жарницкий, они же были и «матками» — стояли в центре поля, пока остальные уходили, обнявшись парами, сговаривались и, возвращаясь, кричали что-нибудь вроде: «Матка, матка, чей вопрос — СРТ или БМРТ? (средний рыболовный траулер или большой морской рыболовный траулер)».

— БМРТ, — отвечала «матка»...

Из всех футбольных правил я знал одно: нельзя хватать мяч руками, но тут часто возникали неведомые мне осложнения.

— Руке! — кричал вдруг кто-нибудь, останавливая игру.

— Прижатая! — отвечал тот, на кого указывали, тоже замирая. Тут сбегались все, подходил и я, осматривал замершую в самом нелепом положении фигуру и руку, чуть не вдавившуюся в туловище, и важно удостоверять: «Прижатая». Сначала я только судил, но вот минут через двадцать свистел и говорил как можно небрежнее: «Поиграть и мне, что ли?» Мы производили перестановку, чуть

но они были готовы теперь же возвращаться домой, хотя так устали, что последние километры почти ползли. Отчего они, едва уйдя, так стремились вернуться? Я вспомнил, как летом, когда я работал в лагере, у нас убежал мальчишка лет десяти. Я отправился за ним, километров четырнадцать по берегу моря, и, когда светлой летней ночью подошел к поселку, увидел, что жители его не спали, они разделяли на берегу привезенных с охоты моржей. Мой мальчишка был тут же, помогал взрослым. Я понял тогда, что он не убежал, а просто вернулся к себе. Он не хотел играть, он хотел разделять моржей.

Тан-Богораз пишет, что в старину у чукчей были люди, не имевшие своего дома, сеньи. Они переходили из стойбища в стойбище, где их хотя и кормили, но относились с пренебрежением, называя «праздноходящими». Слово это по-

разило меня сходством с гомеровскими сочетаниями: «тяжкоогромные» копья, «светлообутые» ахейцы, «волнообъятые» острова — «праздноходящие» люди... Они ходили зимой и летом, и, если в пути их заставляла пурга, они ложились в сугроб и пережидали, только шли они при этом не к себе, они не «возвращались домой».

Может, и ребят моих смутило то, что мы пришли в Наукан просто так, «праздноходами», посмотреть место? Мне показалось, что они думают: «Ну вот, мы увидели тебя, место, и теперь можно возвращаться домой...» Сколько раз я видел, как возвращаются домой, как спешат по вечерам из тундры упряжки, их плавный ход — сюда, где еще светло, а за ними идет темнота. Или весной, когда в море еще много льда и даже с сопки не отличишь далекие вельботы от неподвижных льдин, но, если присмот-

ришься, увидишь тонкие расходящиеся морщинки волн. Навстречу вельботам выходят люди, дети берут у охотников карабины и несут домой, а взрослые грузят пласты мяса на тракторные сани — моржа раздвинули по дороге в море, — а потом вытаскивают вельботы на узкую, еще не сорванную полосу припая.

«В землю висло водрузи — ты окончил свое роковое, долгое странствие...»

Вот так и мы возвращались из Наукана — не в тот же, конечно, день, а переночевав, — и дул навстречу ветер со снегом; хоть и слабая, но застигла нас пурга. Тут я вспомнил фразу про Одиссея, шел, повторял ее, и вдруг понял, что, если бы я и не перебил Агранаута, он все равно не сказал бы дальше, дальше и не надо, этим сказано все: когда Одиссей возвращался домой, его застала пурга. Когда Одиссей возвратился домой...

ли не половину команды отсылали к противнику, так что соотношение сил становилось примерно шестнадцать на шесть. Я клал свисток в карман, слагая с себя обязанности судьи, и игра начиналась.

У Волкова была напористость, у Жарницкого — техника. Как он вел, сгорбившись над мячом, посылая его вперед частыми, несильными толчками, так что мяч казался привязанным к его ноге, и вся защита кидалась к нему, а я в это время проходил по другому краю, сторожа то мгновение, когда он выберется из этой свалки, по-прежнему с мячом, и отдаст его мне или, погребенный под дюжиной тел, все-таки найдет просвет между ногами и вытолкнет в него мяч, и мы так хорошо понимали друг друга, что забили как-то голов десять всухую.

Волков нервничал — уж очень обидно было проигрывать при таком численном превосходстве, — и я все время чувствовал, как это нехорошо, непедagogично, но не мог удержаться. «Ну, еще один, и все», — повторял я себе, — еще один, и все», — и вот, когда забили мы «еще один», что-то не так показалось Волкову, и он вдруг подбежал к своему другу Жарницкому и ударил его. Маленький Жарницкий пошел куда-то в сторону, еще толкая перед собой на всякий

случай мяч, отвернувшись от всех, но все и так поняли, что он плачет.

Тут уж я должен был действовать как судья, остановил игру, да она и сама расстроилась, и велел Волкову извиниться. Он уходил, не отвечая.

— Волков! — крикнул я и пошел за ним.
— Волк! Волк! — закричали ребята, и он, не оборачиваясь, понял, побежал, и я побежал тоже.

Мы бежали вдоль берега, очень медленно, устали после игры, и трудно было бежать по гальке. «Вдруг не догоню, — думал я, — вот будет кино», — и еще мне казалось, что где-то я уже это видел: физрук бежит за мальчишкой. Можно сказать, я и побежал-то потому, что был физрук, вот если бы я в этот момент был учитель литературы, я бы, конечно, ни за что не побежал.

Но когда я сообразил все это, остановиться уже нельзя было — подумают, не догнал.

Мы бежали долго, и, когда мне начало казаться, что я вот-вот остановлюсь, выдохнусь, он перешел на шаг.

— Я просто не хотел бегать, — наконец сказал он, — а то бы вы нипочем не догнали.

— Извинись перед Жарницким, — приказал я, отдышавшись.

— Не буду я, — сказал он.

— Извинишься.

Он вдруг всхлипнул.

— А Жарницкому я еще морду начищу, обязательно.

Бесполезно было настаивать: виноват был я, и мне казалось, что и он это если не понимает, то чувствует.

— Только попробуй, — сказал я.

— А что вы со мной сделаете? К начальнику лагеря сведете?

— Я и сам с тобой справлюсь.

— А что вы со мной сделаете? — настаивал он.

— Ну, вот что, Волков, — сказал я. — Договоримся: в лагере никаких «морд». Вернетесь в поселок — пожалуйста.

— Я тогда забуду, — догадался он.

— А я напомним.

Он засмеялся, так смешно показалось ему, что я напомним. Мы уже испытывали друг к другу какую-то симпатию.

— И вы забудете, — совсем развеселился он.

Я достал записную книжку.

— Вот смотри, — сказал я. — «Напомнить Волкову, чтобы начистил Жарницкому...» Договорились?

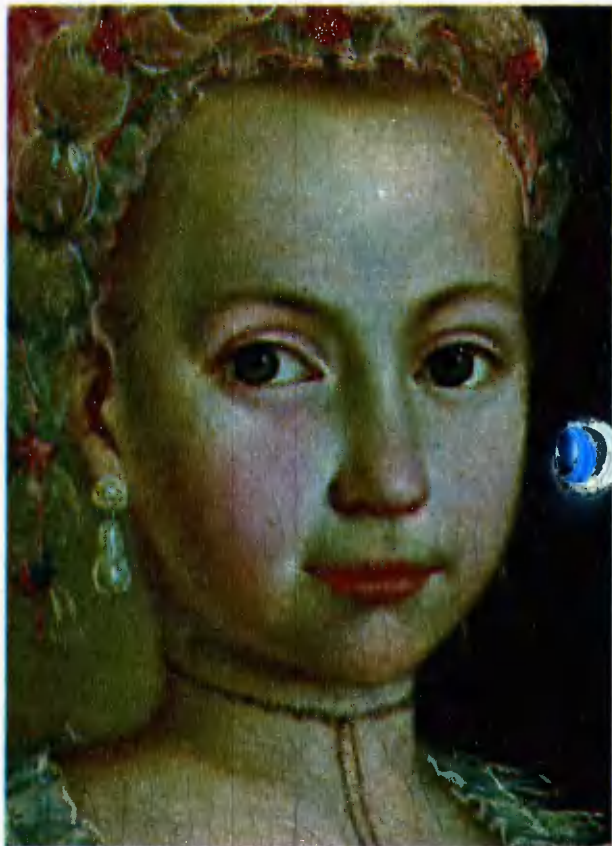
В тот же день к вечеру они снова были друзьями, а я никогда больше не вмешивался в их игру.

На портрете Анны Сергеевны Лермонтовой
подпись: «Писал Григорий Островский» (1776 г.).

Предполагается,
что это родственница поэта М. Ю. Лермонтова.

Всего лишь предполагается...

А какова судьба художника Григория Островского?

РАЗМЫШЛЕНИЯ О КЛАССИКЕ

НЕОБХОДИМО
Евг. ХРАМОВ
РАЗЫСКАТЬ

«Накануне свадьбы Пушкин позвал своих друзей на мальчишник... Были Нащокин, Языков, Баратынский... кажется, Елагин и пасынок его... Киреевский. По свидетельству последнего, Пушкин был необыкновенно грустен... Он читал свои стихи «Прощание с молодостью», которые после Киреевский не видел в печати».

Вспоминая эти свои записи, один из первых биографов Пушкина, издатель «Русского архива» П. И. Бартенев, писал в 1904 году: «Необходимо разыскать стихи...»

Но они не разысканы. Какие стихи читал Пушкин на последнем своем холостом обеде, установить не удалось. Что же, значит, их нет? Да не может этого быть! Ведь они существовали. Давайте верить в то, что они просто еще не разысканы.

Необходимо разыскать стихи.

Ведь навсегда исчезла, казалось бы, десятая глава «Евгения Онегина». Ничего не осталось от нее, кроме двух строчек, запомнившихся Вяземскому: «У беспокойного Никиты, у осторожного Ильи...» Но ведь теперь-то мы можем прочесть не только эти строки, мы теперь знаем, как убийственно назван Пушкиным Александр I: «Плешивый щеголь, враг труда». Нам невозможно не вспомнить и такие строки о нем: «Его мы очень смирным знали, когда не наши повара орла двуглавого щипали у Бонапартова шатра». А ведь сколько людей, знавших, любивших, занимавшихся Пушкиным, так и не узнали никогда этих строк. Потому что только в 1910 году были они разысканы, расшифрованы П. О. Морозовым.

Точнее, кажется, было бы сказать и об отрывках десятой главы и о рублевских иконах: случайно найдены. Но разве Колумб случайно нашел Америку по пути в Индию? Из рублевских работ мы знаем не только великую его «Троицу», но и многие другие. А сколько людей, влюбленных в древнерусское искусство, произносивших с благоговением имя Рублева, не знали о существовании рублевского так называемого звенигородского чина. Потому что только в 1918 году он был разыскан И. Э. Грабарем.

Исследователи искусства, исследователи литературы ищут, и никакая их находка не бывает случайной в широком смысле этого слова.

На страницах «Кругозора» несколько репродукций работ выдающегося русского художника XVIII века Григория Островского. Это теперь мы можем говорить об Островском: «выдающийся русский художник». А еще два года назад нам пришлось бы сказать о нем гораздо скромнее, сказать словами словаря «Живописных дел мастера», выпущенного издательством «Искусство» в 1965 году: «Островский Григорий — автор хранящегося в ГИМ портрета Н. С. Черевиной 1774 г.».

До 1972 года выдающегося русского художника Островского не было. Было несколько портретов в хранилище краеведческого музея в маленьком старом Солигаличе. Портреты обветшавших, чьи краски поблекли, а холст местами превратился чуть ли не в кисею. С трудом можно было прочесть на

этих портретах имена лиц, изображенных на них, и сделанную славянской вязью подпись художника.

И здесь мы должны с благодарностью назвать имя искусство-веда, замечательного реставратора, неутомимого «розыскателя» Савелия Васильевича Ямщикова. Это ему мы обязаны открытием новой главы в истории русского искусства XVIII века, открытием художника такого же уровня, как Рокотов, Антропов, Левицкий, Аргунов.

Выставки портретов Григория Островского, умело реставрированных московскими мастерами, проведены в Москве, Костроме, готовятся книги о нем. Художника разыскиали.

Но кто же был он? Какую жизнь он прожил? Почему остался неизвестным своим современникам (ведь нигде не удалось пока встретить даже упоминания о нем)? Мы ничего этого не знаем.

Кто же он был, этот работавший в солигаличской глуши огромного дарования мастер? Крепостной Черевиных? А откуда эта странная фамилия — Островский? Барин приказал ему так подписываться? Мы ничего не знаем об этом. Там, где нет знаний, появляются догадки, предположения, более или менее быстро опровергаемые.

Но мы не будем догадываться. Мы будем верить, что сведения о Григории Островском еще будут разысканы.

Необходимо разыскать!

А вот о выдающемся русском композиторе XVIII — начала XIX века Дмитрие Степановиче Бортнянском мы знаем все или почти все. Известны год и место его рождения — 1751-й, город Глухов на Украине. Известно и то, что семи лет попал он в Петербург певчим в придворный хор, а в одиннадцать поразил современников исполнением женской партии Альцесты в опере Раупаха, что был он затем учеником известного итальянца, композитора Бальдассаре Галуппи, приглашенного в Россию Екатериной II, и следом за Галуппи отправился в Венецию совершенствовать свое мастерство...

Известно еще и то, что в Италии Бортнянский кроме музыки изучал архитектуру, скульптуру, живопись, большим знатоком и поклонником которых остался до конца своих дней. О Бортнянском выходили монографии, было опубликовано полное собрание его сочинений (редактором которого, кстати, был Петр Ильич Чайковский).

И все-таки произведение Бортнянского, которое вы услышите на звуковой странице, тоже вернулось к нам из небытия. Почти двести лет никто не слышал маленькой оперы Бортнянского «Сокол». Назначенный после возвращения из Италии капельмейстером при дворе наследника русского престола Павла, Бортнянский написал эту оперу на сюжет одной из новелл «Декамерона» Боккаччо в 1786 году. Тогда же она и была поставлена на сцене маленького придворного Гатчинского театра. Она была разыграна великосветскими актерами-любителями и с тех пор никогда не исполнялась.

Теперь ее поставил режиссер Б. А. Покровский в созданном им недавно Музыкальном камерном театре.

На шестой
звуковой
странице
вы услышите
фрагменты оперы
Д. Бортнянского
«Сокол»
в исполнении
артистов

Московского
музыкального
камерного
театра.
Ведущий —
художественный
руководитель
театра
народный
артист
СССР
Б. А. Покровский
Фото А. Лидова

Н. АМОСОВ, академик
(г. Киев). Монолог
«Перегружайтесь!» (№7).

Н. БОГОСЛОВСКИЙ,
композитор.
Статьи о музыке (№4, 12).

Р. БЫКОВ, режиссер.
Мюзикл
«По щучьему велению»
в «Колобке» (№1).

И. КОЗЛОВСКИЙ,
народный артист СССР.
«Слово о Неждановой» (№6).

С. ТРЕТЬЯК, механизатор
(ст. Пластуновская).
Монолог «Моя земля» (№7).

премии лучшие материалы, опубликованные в 1973 году:

Н. БАШКИРОВА,
партийный работник
(г. Брянск). Монолог (№12).

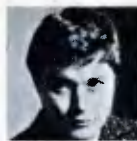
Э. БУШ,
певец (ГДР).
Статья и звуковой рассказ
«Песни М. Блантера» (№2).

А. ДЬЯКОВ,
гелиометеоролог
(пос. Темир-Тай).
Монолог «Солнце
и погода» (№8).

В. СЕМЕНОВ,
художник. Обложки
в «Кругозоре» (№1, 6, 10)
и «Колобке» (№3, 5).

Ю. ТРИФОНОВ,
писатель.
Звуковой рассказ
о народовольцах (№2).

1 (118) январь 1974
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ
Год основания — 1964

© ИЗДАТЕЛЬ:
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КОМИТЕТ СОВЕТА
МИНИСТРОВ СССР
ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ
И РАДИОВЕЩАНИЮ
1974 г.

На первой странице
обложки:
«В мире профессий.
Полярники».
Художник
В. Семенов

Режиссер
Н. П. Субботин
Художник
А. Г. Луцкий
Техн. редактор
Л. Е. Петрова

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

Сдано в набор
28 XI 1973 г.
Б 05215. Подп. к печ.
12. XII. 1973 г.
Формат 60х84 1/12
Усл. п. л. 1,24
Уч.-изд. л. 2,03
Тираж 450 000 экз.
Зак. 1483. Цена 1 руб

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской
Революции типография
газеты «Правда»
имени В. И. Ленина
125865, Москва, А-47,
ГСП, ул. «Правды», 24

Пишите
нам
по адресу:
113326, Москва,
Пятницкая, 25,
«Кругозор»

слушайте
в
номере

1. Метод И. А. Галенко. Рассказ о профессии.
2. По законам красоты. История мундыбашского оркестра.
3. Случай на мотогонках.
4. «Я тот же все Геворг из Аштарака». Стихи Г. Эмина.
5. Репетиция у Д. Шостаковича.
6. Запись через 187 лет. Опера Д. Бортнянского «Сокол» на сцене Музыкального камерного театра.
7. Музыка кино: песни из фильмов «Я — Шаповалов Т. П.». (Е. Птичкин, Е. Корнев), «Это сильнее меня» (О. Фельцман, Р. Рождественский) и «Автомобиль, скрипка и собака Клякса» (М. Дунаевский, А. Ахундова). Исполняют В. Мулерман, ансамбль «Голубые гитары» и артисты кино.
8. Ансамбль «Самоцветы».
9. Песни из спектакля «Пеппи Длинныйчулоку».
10. Цыганские романсы в исполнении трио «Ромэн».
11. Композитор Андре Попп (Франция): «Манчестер — Ливерпуль», «Бабочки» и «Голубая любовь».
12. Поэт Фара Мария (Республика Куба): песня из кинофильма «Всадник без головы» (Н. Богословский, П. Грушко), «Я так тебя люблю» (А. Мартинес), «Знаю, что должна жить» (Р. Моралес).

Звуковые страницы
изготовлены Всесоюзной
студией грамзаписи
фирмы «Мелодия»
и Государственным Домом
радиовещания и звукозаписи

Премьера
в Москве

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ КВАРТЕТ

5

Репетиция проходила у Дмитрия Дмитриевича Шостаковича дома, в его кабинете. Рядовая репетиция, внешне все спокойно, даже буднично. Никаких особых замечаний автора. Голоса его почти не слышно, но он сидит рядом, и воля его передается музыкантам, он как бы дирижирует ими...

Человек устойчивых вкусов, привязанностей, Шостакович почти все свои премьеры проводит в родном Ленинграде. И вот уже тридцать пять лет квартет имени Бетховена — исполнитель всех струнных квартетов Шостаковича, начиная с Первого (1938 год) и до Четырнадцатого (1973 год).

С самого начала «бетховенцы» отлично понимали, кто такой Шостакович, а Дмитрий Дмитриевич ценил талант и мастерство каждого из музыкантов. Отношения между ними всегда были дружескими, «на ты», но не было, пожалуй, той трепетной бережности, как сейчас. Это пришло с годами. С годами пришло и другое — более взволнованное отношение «к своей музыке». А лихорадочный темп жизни, ставший привычным и для исполнителей и для композитора, есть понимание своего места в музыке, стремление сделать как можно больше.

— Если не все получается, — говорит Дмитрий Дмитриевич, — пусть произведение остается, как есть, в следующем я постараюсь избежать допущенных ранее ошибок. Когда я узнаю, что у композитора существует одиннадцать редакций одной симфонии, то в голову приходит мысль: а сколько за это время можно было написать новых произведений?..

Шостакович не сочиняет ежедневно, не садится за письменный стол в определенные часы, как это делает, скажем, Чайковский. Произведение сначала складывается в сознании, и тогда его остается лишь зафиксировать

в нотах. Дмитрий Дмитриевич может в день написать 20 — 30 партитурных страниц. Такой «легкостью» пера обладал, пожалуй, только Моцарт. Второй концерт Шостаковича для виолончели с оркестром был написан всего за две недели, Девятый квартет — за десять дней...

Четыре последних квартета посвящены каждому из участников первого состава «бетховенцев». И это не формальное посвящение коллеге-музыканту, а доброе, даже нежное отношение к другу.

Одна из тем третьей части Четырнадцатого квартета, посвященного виолончелисту Сергею Ширинскому, сложена из латинских и русских обозначений звуков, составляющих слово «Сережа», другая — заимствована из арии Катерины Измайловой: «Сережа! Хороший мой!» Этого не заметят слушатели, даже музыканты-специалисты, разве когда-нибудь докопается музыковед. Но эта частность естественно вписывается в понятие «камерное произведение позднего Шостаковича».

Профессор С. Ширинский: Это музыка необыкновенной красоты и ясности. И хотя струнный квартет с его единым тембром, с отсутствием богатых оркестровых красок призван скорее передавать мир человеческих чувств, квартеты Шостаковича, и Четырнадцатый в том числе, симфоничны. В них передан реальный напряженный мир: и трагедия, и героика, и унылый монолог, и скорбное прощание... Одним словом, новый квартет Дмитрия Дмитриевича — естественное развитие всего творчества Шостаковича.

Л. КРЕНКЕЛЬ

На фото В. Ахломова: С. Ширинский; репетирует квартет имени Бетховена: Д. Цыганков, Н. Забавников, Ф. Дружинин, С. Ширинский; Д. Д. Шостакович.

ФАРА МАРИЯ

Республика
Куба

12

Цена 1 руб.

ЭСТРАДА ПЛАНЕТЫ

С Фарой Марией я познакомился в январе 1972 года. Для кинофильма «Всадник без головы» нужна была актриса на роль певицы из кабаре, выбор пал на Фару Марию. Это эпизодическая роль, но тот, кто видел кинофильм, наверное, запомнил ее.

Передо мной же — стоит услышать голос Фары Марии — возникает Гавана в сумерках, между днем и ночью, между морем и небом. Запруженный людьми и небоскребами Ведадо, тихие улицы Старой Гаваны, где в просвете между домами виден в горловине бухты океанский корабль. В лучах уходящего солнца облака отсвечивают алыми, розовыми, фиолетовыми тонами, и в городе на несколько минут устанавливается какое-то сказочно-театральное освещение. Ветер тербит листья пальм, отовсюду слышна музыка.

Голос Фары Марии — голос предвечернего города. Он соответствует облику этой девушки, внешне спокойной, даже застенчивой, словно берегущей все силы для мгновения песни.

Она родилась в декабре 1944 года в Старой Гаване, недалеко от дома выдающегося кубинского революционера Хосе Марти. Уже в восемь лет она впервые спела на радиоконкурсе, а «по-взрослому» дебютировала в 1962 году. Затем долгие занятия музыкой, песней и сценическим мастерством, и в 1971 году состоялся ее сольный концерт.

Кубинская городская песня имеет свои традиции. В последние десятилетия ярчайшие ее представители Бени Морэ и Элена Бурке обогатили и развили ее: первый — виртуозной ритмикой народных песен, вторая — тонкой мелодикой и вокальной аранжировкой. В творчестве Фары Марии эти два потока органично переплетаются, и она добавляет к этому то, что привнесли в современную городскую песню ее сверстники — композиторы Сильвио Родригес и Паблито Миланес.

Ее первой премией (тогда, на радиоконкурсе) был торт. Сегодняшняя награда намного слаше — это переполненные залы на Кубе и овации зрителей во многих странах мира, где она побывала.

Павел ГРУШКО